

Тютчи летят по небу, отбрасывая тени *(поток)*

Нам, конфуцианцам, не нравится, когда человек говорит одно, а имеет в виду совсем другое.

Дело в том, что на дне каждого конфуцианца сидит хитрый даос. Вот он всё и портит.

От XX века ощущение незавершённости: как будто из детектива вырвали последние страницы и осталось неизвестным: кто же убийца?

XXI век начался не с того, не там и не в то время.

Когда я родился, не было не только интернета, но и компьютеров, не говоря уже о мобильных. Теперь с ужасом думаю: что же придёт на смену социальным сетям?

Мысли, которые приходят сами, не хотят вербализоваться. Нужно прилагать усилие, чтобы превратить их в слова. А без такого усилия они уходят дальше и исчезают за горизонтом. Всё это похоже на тени от облаков, скользящие по земле.

Глубокое искусство – разновидность ритуала.

Невозможное в бытии возможно в небытии, которое делает это невозможное существующим, просто меняя одно бытие на другое.

Не может ли оказаться, что объяснение мира в пределе совпадает с разрушением мира и рождением нового мира, который потребует нового объяснения.

Почему мы думаем, что мир так устроен, а не так устраивается в желании нам угодить?

Отличается ли познание от сотворения?

Земля не станет плоской как бы искренне мы в это не верили и как бы изошрённо не доказывали. Не уверен, что этот закон работает в микромире.

Физика уверенно приближается к тому пределу, за которым остаётся одна математика и исчезает реальность.

По большому счёту философии наплевать как устроен мир. Важно лишь, как он должен быть устроен.

Не печаль печальна, а человек, которым овладела печаль. Не радость радостна, а человек, к которому пришла радость. Сами чувства холодны как ангелы.

Подобна обшарпанному вагону поезду с выгоревшим нутром была любовь его, пока он был. Ему нужно было умереть, чтобы она расцвела нежным полевым цветком на его могиле.

Бог – это не ответ, а вопрос.

Души людей витают в небе, души рыб ходят по земле, а души птиц плавают в море.

Когда-то мне очень нравились Стругацкие за то, что главный герой всегда сосредоточенно размышляет, пытаюсь понять, как устроен мир и решить, что правильно, а что нет, но без истерики, свойственной XIX и, отчасти, XX веку. А вот теперь думаю: а не слишком ли это просто? И существует ли одно такое правильное решение?

Может показаться, что Конфуций сделал такой упор на 孝 (xiào) – сыновней почтительности специально для того, чтобы вводить в ступор западного человека нового и, тем более, новейшего времени.

Основы пессимизма: Радость – временное и потому ложное чувство отсутствия тоски.

Анчаров: «Тоска – это ... просто очень сложная потребность, к которой сразу и слов не подберешь». Я бы сказал честнее: «Тоска – это просто очень сложное отсутствие желания».

Основы пессимизма: Смерть дана человеку для того, чтобы предотвратить самоубийство.

Основы пессимизма: Человек лишённый тоски – даже не животное.

Основы пессимизма: С человеком, который радуется жизни, даже поговорить не о чем.

Развал образования – это ещё не катастрофа. Катастрофа наступит тогда, когда его восстановят, потому что это будут делать те, кто получил разваленное образование.

О том, что тексты нужно читать в оригинале, больше и чаще всего говорят переводчики. Ну и как им после этого верить?

Если сон разума рождает чудовищ, то бодрствование их кормит и поит.

Может быть вместо «этот мир» нужно говорить «мир с этого входа»?

Физики нашей планеты докапываются до устройства мира: тела – вещества – атомы – кварки – струны... А с противоположной стороны, может быть, кто-то докапывается в нашу сторону: ... струны – кварки – атомы – вещества – тела?

По аналогии: если человек, созданный Богом, способен познавать мир, созданный Богом, то компьютер, созданный человеком, способен познавать мир, созданный человеком. И не более того.

Кот Шрёдингера, деконструкция текста Деррида, нечёткие множества и многозначные логики в математике... куда мы катимся?

Восток не знает тоталитаризма, потому что не знает демократии.

Природа в городе: Солнце вставало над крышей шестнадцатиэтажного дома, скользило по проводам и золотило два верхних этажа двенадцатиэтажного дома напротив, поблескивая в окнах.

XXI-ый век отличается от XX-го и, тем более, предыдущих веков кичливостью, нескромностью, невежеством, задушенностью чувств и поверхностностью мышления. А ещё – тщательно скрываемой растерянностью.

Нет, ну так всё в порядке, если не считать того, что другой жизни не будет.

Молодость нетерпелива. С возрастом человек научается ждать. Своего пика это искусство достигает непосредственно перед смертью.

Либо глупость, либо банальность, а третье – от лукавого.

Мудрость заключается не в том, чтобы сказать что-то новое (для этого ума достаточно), а в том, чтобы сказать что-то старое так, чтобы оно показалось новым.

Начала двоичной арифметики: to be or not to be.

Слишком часто говорят: "Смотреть обязательно!", "Читать обязательно!".
Обязательно в этом мире только одно: смерть.

Бессмертные боги стихов не пишут. Ангелы тоже.

После смерти стихов не пишут.

Смертный поэт пишет только о смерти.

Деревья в городе думают, что они в лесу.

Никогда не отбирайте среди своих стихотворений лучшие.

По волосам человека можно определить, как часто его/её гладили по голове.
Не часто.

Старый друг пришёл в гости и принёс бутылку коньяка. Они пили коньяк, закусывали сыром и мандаринами, оказавшимися в холодильнике, и вспоминали молодость. Потом друг ушёл, а он, захмелев, курил сигарету на балконе, смотрел на звёзды и думал: «Вот ведь как...». Потом из-за крыши шестнадцатипятиэтажного дома вышла неполная луна, и он подумал: «Да уж...». Потом набежали тучи, и пошёл дождь. И он подумал: «Ну, и хрен с ней!», и пошёл спать.

Писать надо так, чтобы это никогда не было опубликовано. К сожалению, интернет несколько портит эту красивую картинку.

Точность объективности – это математика, точность субъективности – это поэзия. И то и другое делает мир ясным и резким, тогда как, по Лао-цзы, его лучше оставить тёмным и мутным. Это вопрос.

Во многом благодаря поэзии и анекдотам всё больше слов и выражений становятся эвфемизмами, дисфемизмами и эсхрофемизмами. Обычных слов скоро вообще не останется.

Для того чтобы человечество не погибло раньше времени, нужны народы, тормозящие прогресс.

Поскольку время никогда не заканчивается, но имеет тенденцию ходить кругами, проверка временем никогда не может закончиться.

Благородный муж должен иметь только правильные желания. Остальные могут себе позволить.

У меня возникло подозрение, что Кэррол писал «приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте» как сатиру на капиталистическое общество. А мы-то думаем, что это верх мудрости и руководство к действию.

Не соглашайтесь на пластику ума: естественная глупость много привлекательнее искусственного интеллекта.

Хочешь быть – будь.
Хочешь жить – жуть.

Уже который раз убеждаюсь в том, что с мёртвыми разговаривать бывает интереснее, чем с живыми. И не потому, что мёртвые не отвечают, а потому, что их ответы умнее. Впрочем, всё ещё живы исключения.

Когда учёные выяснили, что человек сам не думает, а только улавливает мысли деревьев, люди им не поверили, и даже высмеяли. Ну, и правильно: деревья нарочно такие мысли транслировали. А как иначе заставить людей делать ту работу, которую сами деревья выполнять не могут, потому что, во-первых, у них рук нет, во-вторых, они передвигаться не могут, и, в-третьих, им вообще не до этого: они погружены в размышления.

Опускается мелкий снег, совершенно невидимый. Но в свете фонаря он искрится. Это очень красиво. Но совершенно расточительно. Вот я сейчас уйду спать, и некому будет на это смотреть. А снег всё будет падать и искриться. Люди так не умеют.

Самый экономичный способ производства суперкомпьютеров остаётся тем же: папино зачатие + мамимы роды.

Как-то внезапно, без перехода, разделись девушки этой весной.
Неинтересно.

Я вот хотел как раньше: мягко, вечерне, обязательно с чаем. Пусть даже старомодно и немного пыльно, и буковки неровные, и непременно что-то от руки приписано, а что-то зачёркнуто или подчёркнуто. Чтобы дымок шёл, а нет-нет, да и струйка свежего воздуха. Воздуха уже потемневшего, ночного, с толикой сырости и прелых листьев. А бумага-то, бумага – желтоватая и так приятно похрустывает, уголки загнуты, конечно. Разговор спокойный, задумчивый, с нервной жилкой бьющейся. А не то – молчание, протяжное как гудок паровоза. И тесёмочки на папке: их можно развязывать, и опять

завязывать, и снова. Одной чашки чая мало, конечно. Ещё можно плавленый сырок, потому что время длинное, позднее. Можно взять любую книжку и полистать, или две – и сравнить. Но от электрической лампы верхние полки тёмные, там века сложены, ждут. Это приятно – чувствовать века за своей спиной. Берётся новый листок бумаги и рисуется схема мироздания, потом можно уточнять, места, конечно, не хватит, на обороте приписки делать. Потом сделать новую струйку дыма, чтобы осознавать это всё в цельности своей, главное почувствовать правильно. И вот уже уличный фонарь за окном как бы подтверждает, и свет в окнах дома напротив что-то передаёт зашифрованное. Но нужно вернуться к чаю, он остыл, заварить новый, это как открыть новую страницу, и разговор меняет русло, чтобы там, в старом русле, в старице отстаивался вечер мягкий с неповторимым ароматом. Всё же немного пыльно, да и поздно уже, пора завязывать тесёмочки.

Я бы ещё что-нибудь сказал, но тютчъ

май 2018